

УДК 343.01

*К.В. Корсаков***ИСТОКИ И ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ:
РАВНОВОЗМЕЗДНЫЙ ПРИНЦИП ТАЛИОНА И ИНСТИТУТ КРОВОМЩЕНИЯ
В СТАРОРУССКОМ ПРАВЕ¹**

Рассматривается диалектика развития уголовного наказания на его первых этапах, в момент перехода от родового строя и языческих верований к государственности и монотеизму. Автором на основе системно-структурного, формально-логического, исторического и диалектического методов познания выявлены и описаны причины проникновения и закрепления правила талиона и кровной мести в восточнославянских правовых обычаях и древнерусском законодательстве. Делается вывод о том, что влияние византийской уголовно-правовой традиции на систему уголовных наказаний Древней Руси выразилось в ускорении процессов ограничения кровной мести и замены ее наказанием в виде смертной казни, однако данное влияние отнюдь не способствовало замещению института кровной мести системой штрафов, а отчасти затрудняло его, так как по византийским законам не существовало замены смертной казни имущественным выкупом. В статье подчеркивается, что принцип талиона сохранялся в законодательстве вплоть до начала XVIII в., пока его не заменила пенологическая доктрина устрашения, служившая оправданием явного несоответствия видов, объема и интенсивности кары ее основанию – преступному акту. Резюмируется, что нарушение законодателем принципа соразмерности уголовного наказания, излишняя и чрезмерная жестокость уголовной репрессии порождали обратный эффект: вызывали у народных масс жалость и сочувствие к осужденным, отрицались основанными на идеалах соборности и всеединства воззрениями российских людей на справедливость и право.

Ключевые слова: уголовное наказание, возмездие, кровная месть, древнерусское право, закон талиона, уголовная репрессия, реагирование общества на преступление, происхождение наказания.

Развитие института уголовного наказания в отечественном публичном праве обладает своей спецификой, сопряженной с особенностями как общеиндоевропейского (арийского) языческого мировосприятия, так и собственно славянской мифологии, в которой, согласно мнению А.П. Семитко, лежат «глубинные истоки правовых представлений о правильном, справедливом, нормальном» [1. С. 248] и нерасторжимая связь которой с правогенезом, формированием правосознания обусловила проникновение в правовую систему и насыщение ее структурными элементами этнопсихологии, различными ментальными архетипами, устойчивыми и глубокими мифологическими образами и представлениями архаических людей о правопорядке, гармонии и дисгармонии, нарушении порядка и его восстановлении, о деянии и воздаянии, норме, обычае и последствиях их нарушения.

Подобно древнерусскому праву, помимо восточнославянского субстрата, включавшему менее выраженные византийский и скандинавский (варяжский) компоненты, российская (евразийская) культура стремилась соединить в себе традиции восточной и западной цивилизаций, давно сумев постичь, что без этого синтеза образ человеческого бытия не будет полным, универсальным. Этой черте она, не замыкавшаяся на себе и всегда открытая для проникновения нового, во многом была обязана отличавшей древнеславянское язычество вере в нерасторжимое единство космоса и человека, во вселенную гармонию, в идею взаимосвязи всего живого.

В восточнославянской языческой культуре, корни которой уходят не во времена обособления протославянских племен в недрах индоевропейского единства и в монокультурный период существования этой целостности (арийской общности), а, как отмечал в своих трудах Б.А. Рыбаков [2. С. 753], в эпоху палеолита, вселенная, космос как царство порядка противопоставляется миру хаоса, анархии. Для нее свойственно поклонение первоначально, представляющему в образе мифического героя, который помимо воспроизводства «акта космического творения в масштабе социума» [3. С. 94], учреждает, а затем следит за соблюдением поведенческих норм, экзогамных запретов, различных культов.

Благодаря древнерусским летописным сводам, эпосу и фольклору нам известно, что находившийся во главе восточнославянского языческого пантеона бог неба Сварог, помимо дарования славянам Прави, трактуемой как истина, сумма непреложных законов, управляющих земным, материальным миром, называемым Явью, выполнял и функции поддержания гармонии, мирового порядка, вме-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МК-6928.2015.6.

шиваясь в ход событий, происходящих в мире людей. Поэтому в правовой жизни славянских племен продолжительное время существовал принцип, названный М.М. Ковалевским в его работах по обычному праву картвелов (грузинских племен пшавов, сванетов, менгрелов, хевсуров) «теологическим» и заключающийся в «допущении сверхчувственной неземной силы в решении тяжб» (цит. по: [4. С. 108]).

Древнеславянскую мифологию отличали натурализм, антропоморфизм, она носит ярко выраженный аграрно-природный характер и сосредоточена главным образом на осознании и понимании природных явлений и процессов, что вполне объясняет то обстоятельство, что древние славяне были носителями взглядов на любое преступление не только как на деяние, противостоящее воле высших сил, нарушающее всеобщий порядок, гомеостаз, посягающее на их общественный уклад, но и порочащее неизбежно затрагиваемую им сферу природы. По мнению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, этот синкретизм общественного, природного и трансцендентного, при очевидном превалировании последних, можно отнести к тексту основного мифического сюжета (первопреступление и возмездие за него, столкновение доброго и злого начал, того, что дозволено, и того, что запрещено), который «изображает суд, приводящий к победе правого и восстановлению нарушенной гармонии или равновесия» [5. С. 22-23].

Названный центральный мифологический сюжет, отображающий борьбу хаоса и порядка, ложного и правдивого, в котором победе последнего придается сакральное значение, восходит к общинно-европейскому фону, в его космогонических циклах присутствуют начальные образы всеразрушающего хаоса и вселенского порядка, добра и зла, которым соответствовали славянские Правда и Кривда. Проведенные археологами и лингвистами исследования выявили индоарийское происхождение таких слов, как «правда», означавшее в старорусских летописных текстах справедливость, и «закон», учеными также было выявлено наличие у славян близкой древнеиранским мифологическим верованиям и зороастризму дуалистической картины мира, основанной на противопоставлении двух извечных стихийных начал – всего, относящегося к Праву, порядку, добру, и его обратной стороны.

При этом производная от заключающей в себе поведенческие эталоны Правы и мыслимая как наивысшая справедливость, Правда, которой, согласно поверьям славян, нет в Яви, в реальном мире, противопоставляется хаосу лжи (Кривде) и образует с правом, представлениями о должном единое, неразрывное целое, что объясняет такую своеобразную черту российской правовой традиции, не раз описанную правоведом, как нерасчлененность в сознании народа понятий справедливости и права. Именно поэтому древнерусскими общинами, как это было подмечено профессором В.В. Кулыгиным [6. С. 38], каждое новое правовое установление, законоположение всегда расценивалось не как некое нововведение, а как исправление возникшей несправедливости.

Указанные выше черты и особенности мировидения славян и их системы ценностей позволяют судить о том значении и внимании, которое уделялось осуществлявшимся по логике талиона актам возмездия, промедление либо невозможность совершения которых не только порождали чувство общей вины, но и приводили к таким проявлениям экзистенциального плана, как острое ощущение дисгармонии, наличия некоей привнесенной теми, кто преступил завет, нарушил канон, и не устраненной ими бытийной деструкции, разбалансированности. Опосредующие эти переживания воззрения и установки нашли заметное отражение в массиве древнерусского обычного права (именовавшегося восточными славянами правдой, преданьем, поконом, норомом [7. С. 83-84]), господствовавшего на начальных этапах формирования и развития отечественного уголовного права.

Представляя собой мозаичный, лишенный единообразия, в силу родовой и племенной специфики его субъектов, конгломерат внутригрупповых предписаний, обычное право восточных славян, тем не менее, повсеместно предусматривало обязанность кровомщения, пережитки и отголоски которого, потесненного затем государственной системой наказаний, обнаруживаются в жизни российского общества спустя тысячелетие, в частности, в общественной реакции на ряд преступных посягательств по схеме талиона.

Атрибутивный для института кровной мести признак, заключающийся в отражении проступка одного человека на целой семье, в восприятии рода преступника как единого лица, несущего ответственность за его деяния (о которой С.М. Соловьев писал: «...При такой ответственности всех членов рода один за другого, значение отдельного лица необходимо исчезало перед значением рода; одно лицо было немислимо без рода; известный Иван Петров не был мыслим как один Иван Петров, а был мыслим только как Иван Петров с братьями и племянниками» (цит. по: [8. С. 84]), со времен смоленского князя Мстислава, заключившего ряд (договор) с Ригой, по которому он «или отдает виновного

в холопство вместе с его женою и детьми, или велит его разграбить с женою и детьми» [9. С. 96], присутствует в пенитенциарной практике российского государства времен Ивана IV, отправлявшего бояр на казнь вместе с их многочисленными семьями, Петра I, при котором включение в категорию опальной единицы представителей семьи преступника также было естественным, и более позднего периода.

Ранее в научной и, главным образом, в публицистической литературе высказывались предположения о том, что уголовное наказание по принципу талиона и следование обычаю кровной мести стали реальностью для юридического быта восточных славян вследствие заимствования ими скандинавских (норманнских) обыкновений (Е.О. Харитонов, А. Шлецер) либо рецепции византийского права в X-XI в. и ориентации законодательства Киевской Руси на юридическую догму Восточной Римской империи (К.С. Аксаков, А.И. Кошелев), однако подобные гипотезы были опровергнуты как в трудах Н.Г. Карамзина, Б.Д. Грекова и иных авторов, доказывавших, что славяне и другие группы народов в своем развитии прошли одни и те же этапы и не миновали отмеченного кровомщением периода родового строя, и указывавших на то, что языческие культы земли, предков и патриархально-традиционный уклад жизни не позволяли славянам перенимать обычаи иноземцев, так и в более поздних историко-правовых исследованиях.

Правовая система древнерусского государства испытала определенное влияние со стороны византийского права, для которого было характерно отсутствие четких границ между светской и духовной юрисдикцией, однако следует признать, что церковное право Византии находило в ней «большее применение, чем светское право, поскольку основы светского уголовного права уже сформировались... и стали составной частью общественного и государственного быта» [10. С. 76].

Наиболее значимым для всей публично-правовой сферы социальной жизни Древней Руси явилось принятие греческого христианства, православной веры, давшее начало процессу вытеснения из общественного сознания и практики модели возмездия, лишавшей ее духовной основы и подрывающей ее устои, концепцией покаяния, который шел на фоне замещения языческой системы православием, окончательно завершившегося лишь к XIII в.

Распространение учения о грехопадении и спасении души, укоренение воззрений на наказание как средство очищения на пути нравственного перерождения объясняют тот факт, что спустя семь лет с момента крещения князь Владимир I Святославович на вопрос епископов: «Се умножиши разбойници. Почто не казниши их?» отвечал им: «Боюся греха». Несмотря на своеобразие взглядов на положительное право и справедливость уголовного наказания, объясняемое в традициях раннего христианства в «Слове о законе и благодати» Иллариона Киевского, и двойственность отношения новозаветной религии к умерщвлению от имени публичной власти, следует признать правоту профессора Н.С. Таганцева и других ученых, заключавших, что именно вера, пришедшая из Византии, явилась основой для закрепления в карательной доктрине смертной казни.

Под воздействием религии, претерпевшей значительные изменения со времен провозглашавшего всеобщее равенство раннего христианского учения, приобретшей элитарно-имперский характер, в воззрениях на преступление и кару за него на первый план выходит опасность для государственного строя и социального порядка, устанавливаемого и охраняемого политической властью, которая, по воззрениям восточнославянских князей-конунгов, осуществляется по воле и от имени венчающего на княжение и помогающего им нового, христианского бога, заменившего Перуна, их прежнего покровителя.

Однако, помимо процесса феодализации древнерусского общества, в ходе которого укрепившаяся княжеская власть «налагает руку на все преступления, требуя... уголовной кары в свою пользу, вир или продаж» [11. С. 433], и явного несоответствия обычая кровной мести как экономическим и военным интересам нацеленного на централизацию власти государства, так и канонам евангельской этики, на наш взгляд, одной из основных причин замещения механизма кровомщения иными способами реагирования на преступные посягательства был ранний переход от кровнородственной формы существования к общинно-государственной, сохранявшейся в российской деревне вплоть до начала XX в.

Замена родовой организации общинной (речь идет не о первобытной общине, представлявшей собой кровнородственный союз, а о земледельческом соседском объединении, которое у германцев называлось маркой, а у славян – вевью), в отличие от Западной Европы, началась на Руси значительно раньше и детерминировалась не столько политическими и экономическими причинами, что разлагали западноевропейские родовые структуры, сколько коренящимися в ментальной составляющей

щей восточнославянской культуры факторами, которые проявились в длительном мирном сосуществовании и процессах активной ассимиляции с соседними финскими (мурома, меря), северогерманскими (династический род Рюриковичей), тюркскими («черные клобуки», берендеи, торки, буртасы), балтскими (воть, корсь) и другими племенами, особенно на севере и северо-востоке восточнославянской экмены.

В отличие от кавказского тейпа и монгольского аймака крестьянскую славянскую общину объединяли не кровные и родственные узы, а интересы во взаимопомощи и круговая порука добрососедского коллектива. Преступником для входящих в него был всякий «лихой человек», и его родовая или племенная принадлежность не имели значения, а совершенное им преступное деяние уже не рассматривалось как *casus belli* и не могло повлечь прежней кровопролитной вражды с общностью, к которой относился преступник.

Влияние византийской уголовно-правовой традиции на систему наказаний Русской земли выразилось в ускорении процессов ограничения кровной мести и замены ее возмездием, исходящим от государственной власти, – субститутом в виде смертной казни. Оно отнюдь не способствовало замещению кровной мести композициями, а отчасти затрудняло его, так как «по византийским законам не существовало замены казни имущественным выкупом» [7. С. 310], что прослеживается и на примере первого проникновения имперской карательной доктрины на Русь – русско-византийских соглашений X в. Санкции статей, в которых определена мера наказания за убийство, как в договоре Олега 911 г., так и в договоре князя Игоря 945 г., будучи результатом компромисса, ярким свидетельством того, что «период мести не есть эпоха отрицания права, если явления мести можно было согласовать с таким чисто карательным уголовным правом, каково было право византийское» [12. С. 137], носят альтернативный характер, позволяя предать преступника казни по законодательству Византийской империи либо преследовать убийцу по славянскому обычаю кровной мести, известному Закону Русскому, ссылки на который содержатся в текстах договоров.

Обращение к системе штрафных платежей получило распространение еще при князе Игоре, именно им был закреплен размер *вир*, взыскиваемых в княжескую казну. Однако в результате правовой реформы Владимира I, при проведении которой за основу был взят греческий законодательный свод 726 г. – Эклога (помимо этого византийского источника в русских кодификациях (Кормчих книгах, Судебниках) заметно сильное влияние других византийских сборников: Прохирина 879 г., Номоканона 883 г. и иных, вобравших в себя извлечения из Пятикнижия Моисея), были отменены вирные платежи и введены членовредительские наказания. Болгарским исследователем Л.В. Миловым перевод Эклоги на древнерусский язык, позднее включенный в правовой сборник «Мерило Праведное», датируется концом X в. и связывается с этим комплексом мероприятий Владимира Святославовича в области карательной политики, который ученый небезосновательно характеризует как обусловленный «целостным восприятием системы церковно-светского права Византии, ее особым вниманием к охране лиц из числа священнослужителей» [13. С. 203-204].

На наш взгляд, помимо рецептов греческих норм права, предусматривающих наказания в виде казни мечом, изгнания и отсечения конечностей, существовал еще один важный фактор, затруднявший распространение композиций, репарационных мер ответственности и связанный с укоренившимися в сознании русских людей того времени представлениями о справедливости, воззрениями на должностное в возмездных актах, моментах расплаты преступников за содеянное. Проистекающее из них неприятие компенсационных платежей во всей своей полноте в аллегорической форме отражено в *taxima sententia* той эпохи: «Разве можно носить своего убитого сына в кошельке?».

Нравственные императивы и эти стереотипы общественного сознания дополнялись взглядами, требующими тотального равенства перед уголовным законом и неотвратимости наказания, испытываемыми кризис при обращении к механизму материального возмещения, позволявшему откупающимся избегать личной ответственности и, по мнению их носителей, фактически оставаться безнаказанными (о чем писали Гуго Гроций в «*De Jure Belli Ac Pacis*» 1625 г., что «денежный штраф, тягостный для бедного, ничего не значит для богатого» (цит. по: [14. С. 320-321]), и российский юрист Г.Е. Колоколов), обнажая при этом дисбаланс, явившийся результатом имущественного расслоения.

Учет политической властью упомянутых реалий и трудностей, с которыми ей пришлось столкнуться при преодолении названных убеждений, сопряженном с весьма болезненно воспринимавшейся населением ломкой стереотипов сознания, установкой стандартов, противоречивших также и архетипам коллективного бессознательного, обусловил помещение в первые строки, пролегомены, пожа-

луй, наиболее известного памятника древнерусского права – Русской Правды 1016 г. нормы о кровомщении: «Убьет мужь мужа, то мстить брату за брата, или сынови отца, любо отцю сына, или бра-тучаду, любо сестрину сынови...» [15. С. 4].

Древнерусский законодатель, внимательный к традициям и предпочтениям этноса, общественному мнению, был вынужден пойти по пути постепенного ограничения кровной мести и устранения ее из пенитенциарной практики, предоставляя возможность отомстить лишь в случае убийства, в том числе и неумышленного, свободного человека свободным, лимитируя перечень лиц, допускаемых к мщению, двумя поколениями и сужая их круг указанием на необходимость близкой степени родства с убитым, закрепляя при отказе от нее выплату штрафа: «...аще не будеть кто мстя, то 40 гривен за голову» (Там же).

Краткая Правда, одним из источников которой был Закон Русский, явившийся, согласно мнению исследователей, результатом унификации племенных Правд восточных славян (А.А. Зимин) либо собирательным названием древнерусского обычного права (В.В. Мавродин), сложившаяся, по словам Н.С. Таганцева, «как результат взаимодействия народно-обычного и судебно-обычного права» (цит. по: [6. С. 42]), демонстрирует нам динамику развития ограничивающих кровомщение правовых норм, которая завершилась его окончательной отменой после смерти Ярослава Мудрого тремя его сыновьями, собравшимися, как повествуется об этом в тексте Пространной Правды, вместе со своими боярами и «отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати» [15. С. 9].

Система денежных пеней, представленных вирами (в том числе и дикой (повальной), поклепной) и продажами, составлявшими основную статью дохода княжеской казны, головничеством и уроками, что обращались в пользу стороны, непосредственно потерпевшей от преступления, в основу которой был положен принцип дифференциации размера выкупного платежа в зависимости от словесной принадлежности пострадавшего, пришла на смену кровной мести, однако последняя, не будучи изжитой, еще долгое время применялась на севере Руси сохранившими фамильно-родовой уклад пращурами поморов (на территории современной Архангельской области), на востоке Карпат предками русинов (в районах современных Закарпатской области Украины и Восточной Словакии) и в других регионах, населенных восточными славянами.

На протяжении периода феодальной раздробленности XII – первой половине XVI в. уголовное наказание, в том числе и смертная казнь, знало «главным образом одну цель – возмездие, месть», оно «означалось часто даже термином месть» [16. С. 31], а в источниках писаного права различных земель, удельных княжеств проступала ориентация на местную специфику, правовые пошлыны (обычай) и традиции тех территорий, на которые они распространялись, учет интересов их населения: например, в Псковской судной грамоте 1462 г. говорится не о вирах, а о продаже, которая взыскивалась не со всей общины, а только с уличенного в убийстве преступника. Однако при завершении процесса централизации, когда между монархической властью и народом уже пролегла полоса отчуждения, приоритеты карательной политики государства резко изменились.

Составители Судебника Ивана III 1497 г. и Судебника Ивана IV Васильевича Грозного 1550 г. предпочли обычно-правовым нормам императивы великокняжеских уставных грамот, что отвечало избранному курсу, направленности внутренней политики государства, унаследовавшего от византийской монархии имперские черты и абсолютистско-деспотические методы правления и ставившего в пенитенциарной деятельности государственный интерес выше общественного.

Идеи концепции устрашения, которая оказалась в области принципов и руководящих идей деятельности государственного аппарата, объясняют обращение к публичным членовредительским наказаниям, к квалифицированной смертной казни, рассматривающейся как наиболее эффективная мера наказания и предупреждения преступлений: «зжечь», «живу окопати в землю» [15. С. 52]. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, которое подчеркнуто именовал «не-произведением русского правосознания» (цит. по: [16. С. 63]), разрешившее своим появлением вопрос об инкорпорации институтов византийского церковного и светского права в российскую правовую систему, вносило неопределенность в сферу наказаний, допуская такие формулировки, как «наказать жестоко», «как государь укажет», что увеличивало степень превентивного воздействия на лиц, посягавших на авторитет самодержавной власти совершением запрещенного ей деяния, которых в большинстве своем следовало «казнити смертию безо всякия пощады» [15. С. 52].

Помимо закрепления в статьях смертной казни, пыток и калечащих наказаний, данный свод законов, принятый Земским собором в 1649 г., вводил в карательную практику правило талиона. Оно

применялось при привлечении к уголовной ответственности за «мучительское наругательство», наказание за которое кроме наложения денежного штрафа предполагало нанесение аналогичного увечья преступнику, за лжесвидетельство или ложное обвинение (навет), когда доносчика или клеветника приговаривали к тому же наказанию, которое грозило человеку, которого он оклеветал, и в символической форме (в виде сожжения преступника и заливания ему в горло расплавленного металла) использовалось при уголовном преследовании за поджог помещения и фальшивомонетничество.

Схема талиона была помещена в реакционное законодательство Петра I начала XVIII в., однако не требование соразмерности и принцип меры, а доктрина устрашения составляла его концептуальный фундамент и служила оправданием явного несоответствия вида, объема и интенсивности кары ее конкретному основанию – преступному акту, обуславливала принятие решений, подобных императорскому повелению в Указе 1718 г.: «Для большего страха по знатым дорогам, где проезд бывает, поставить виселицы» [16. С. 520].

Завладев сознанием представителей господствующего сословия, данная концепция нашла отражение в наказах дворян их депутатам в бытность кодификационной комиссии 1767-1774 гг. Наказы вобравшие предложения, прямо противоречащие идеям уравнительности, необходимости и народности, отстаиваемым в названном Екатериной II «своим молитвенником» трактате Ш. Монтескьё и в брошюре Чезаре Беккариа, положенным в основу Большого Наказа императрицы, предназначавшегося законодательной коллегии: в частности, в Опочковском наказе содержится рекомендация в порядке *de lege ferenda*: «Для искоренения душегубства избежать не можно, дабы не узаконить жесточайших и беспощадных истязаний...» [17. С. 82].

Нарушение принципа соразмерности наказания, излишняя, чрезмерная жестокость государственного наказания вызывали лишь жалость и сочувствие со стороны народных масс к осужденным – изувеченным, четвертованным, каторжанам, узникам острогов, приводили к формированию вокруг них ореола мученичества, не соответствовали, отрицались основанными на идеалах соборности, сопричастности и всеединства воззрениями российских людей на право, справедливость как соответствие правде, вековечному обычаю и голосу совести, возраст которых, говоря словами И.А. Ильина, «есть возраст самой России» [18. С. 443].

В русской правовой традиции справедливость предстает перед нами как «чувство меры в размежевании людских притязаний и интересов», и, несомненно, как «живое и чуткое правосознание, которое готово поступиться своим и отстаивать чужое» [19. С. 240]. Думается, что одним из первых шагов на пути понимания того, что «русский народ с его живым нравственным чутьем, с его природным благодушием... сумеет не только оценить справедливость власти и довериться ей, но сумеет и раскрыть свою душу для ее системы воспитания» (Там же) является основанное на мировоззренческих истоках представлений россиян об уголовном наказании закрепление законодателем в действующем уголовном законе (впервые в истории отечественного уголовного права) такой его важной цели, как восстановление социальной справедливости.

Поступила в редакцию 05.12.14

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. 313 с.
2. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 723 с.
3. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. Киев: Наукова думка, 1985. С. 94.
4. Лаптева Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. 1997. № 8. С. 101-109.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей: сб. науч. ст. М.: Наука, 1981. С. 16-27.
6. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. М.: Изд. группа «Юрист», 2002. 253 с.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев: Изд. Оглоблина, 1915. 553 с.
8. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. 479 с.
9. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. 270 с.
10. Бойко А.И. Римское и современное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, изд. Р. Асланова, 2003. 259 с.
11. Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М.: Наука, 1993. 634 с.

12. Корсаков К.В. Причины и условия возникновения институтов кровной мести и изгнания в социальной практике // Российский юридический журнал. 2005. № 4. С. 137-142.
13. Милов Л.В. Легенда или реальность (о неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1. С. 201-215.
14. Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава: Главный склад в книжных магазинах Д.Е. Кожанчикова, 1870. 362 с.
15. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пос. / под ред. Ю.П. Титова. М.: Проспект, 2000. 472 с.
16. История отечественного государства и права: учебник / под ред. О.И. Чистякова. Ч. 1. М.: Бек, 1997. 752 с.
17. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России // Годичный акт в Императорском казанском университете: Слова и речи от 5 ноября 1891 года. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. 102 с.
18. Ильин И.А. О русской идее // Русская идея: сб. ст. / под ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 1992. 525 с.
19. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. 489 с.

Поступила в редакцию 07.12.14

K. V. Korsakov

ORIGINS AND PRECURSOR OF MODERN CRIMINAL PUNISHMENT: THE PRINCIPLE OF TALION AND THE INSTITUTION OF BLOOD VENGEANCE IN THE OLD RUSSIAN LAW

The author considers the dialectics of the criminal punishment development at its early stage, namely at the moment of transition from the ancestral pagan beliefs to statehood and monotheism. On the basis of system-structural, formal-logical, historical and dialectical methods of learning, the author identifies and describes the reasons for the penetration and consolidation of the rule of talion and blood revenge in East Slavic legal customs and the Ancient Russian law. It is concluded that the influence of Byzantine criminal legal traditions on the system of criminal penalties of Ancient Russia resulted in accelerating the process of restricting blood vendetta and replacing it with the punishment in the form of death penalty. However, this effect did not contribute to the substitution of blood revenge by charging scheme; moreover, this effect partly hindered it because in Byzantine law it was impossible to replace the death penalty with property foreclosure. The article emphasizes that the principle of Talion was preserved in the law until the beginning of the XVIII century, when it was replaced by penological doctrine of deterrence, which served as the justification for the apparent discrepancies between types, extent and intensity of the punishment and its grounds – a criminal act. It is summarized that violation of a principle of proportionality of criminal punishment, as well as unnecessary or excessive cruelty of criminal repression caused the opposite effect: masses felt pity and sympathy to the accused; cruelty was denied in accordance of views of Russian people to justice based on ideals of collegiality and unity.

Keywords: criminal punishment, vengeance, vendetta, ancient law, law of talion, criminal repression, reaction of society to crime, origin of punishment.

Корсаков Константин Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
620990, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Korsakov K. V.,
Candidate of Law, Associate Professor,
senior researcher
Institute of philosophy and law,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
620990, Russia, Ekaterinburg, S. Kovalevskoy st., 16
E-mail: korsakovekb@yandex.ru